

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В.Г. НИКОЛАЕВ

МИГРАЦИЯ И МАРГИНАЛИЗАЦИЯ В ИНТЕРАКЦИОНИСТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Изучение миграции в современном мире требует внимания к человеческому, или личностному, измерению. Важным теоретическим ресурсом выступает классическая концепция маргинального человека, разработанная Робертом Э. Парком и другими социологами Чикагской школы. Автор реконструирует и частично переистолковывает эту концепцию в интеракционистской перспективе, помещая в центр внимания характерные для современного мира постоянные переходы индивидов между интеракционными конфигурациями разных масштабов и разной вовлеченности, сопровождающиеся столкновением разных «мы» и разных смысловых порядков, с которыми индивиды себя деятельно идентифицируют.

Ключевые слова: миграция, маргинализация, современность, маргинальный человек, взаимодействие, интеракционные конфигурации, «мы», идентичность, смысловые порядки.

Миграции — одна из характернейших черт современных обществ в отличие от обществ первобытных, кастовых и сословных. Хотя они происходили в какой-то степени всегда и везде, они никогда не были такими масштабными, как в современности. Свобода передвижения входит в число базовых человеческих прав, помечающих современность как таковую. Досовременные общества не нуждались в ней функционально; исторические движения народов не предполагали ее в том смысле, который вкладывается в нее сегодня. Свобода передвижения и пользование ею — сугубо современный феномен¹.

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии ГУ–ВШЭ, старший научный сотрудник Российского института культурологии, старший научный сотрудник ИНИОН РАН. Адрес: 125319, Москва, Кочновский пр., д. 3, ком. № 436 Телефон: (499) 152–02–31.

Электронная почта: vnik1968@yandex.ru

¹ Под «свободой передвижения» здесь понимается не юридически зафиксированное право как таковое, а восприятие этого права как реального, воплощающегося в действиях людей, пусть даже это воплощение не является легальным.

Миграции затрагивают все стороны человеческой социальной жизни — экономическую, политическую, культурную и т. д. Связаны они и с крупными изменениями в поведении, мышлении и личностях людей. Одной из важных попыток теоретически осмыслить человеческое измерение миграции была концепция «маргинального человека», предложенная в первой половине XX века интеллектуальным лидером Чикагской школы социологии Р.Э. Парком и развитая его учениками и последователями².

В очерке «Человеческая миграция и маргинальный человек» (1928) [13] Парк показал, что миграция входит в число важнейших факторов социальных и культурных изменений, поскольку запускает серию сложных социальных процессов, в результате которых рождается современный мир, совершенно не похожий на исторически ему предшествовавшие миры. Наряду с другими факторами, миграция вводит в соприкосновение и перемешивает ранее обособленные друг от друга «народы», «группы», «расы», «культуры», образы жизни, способствуя тем самым разрушению «традиционной организации общества» и развитию той «рациональной организации, которую мы именуем цивилизацией» [13, с. 172]. Как и все социальные процессы, этот процесс, приобретающий все более широкие и в конечном счете глобальные масштабы, совершается в людях и через людей. В точках контакта разных «культур», постоянно создаваемых и умножаемых миграциями, рождается «новый тип личности, а именно культурный гибрид — человек, живущий и заинтересованно участвующий в культурной жизни и традициях двух разных народов, не желающий полностью порвать, даже если бы ему это было позволено, со своим прошлым и своими традициями и не вполне принятый, в силу расовых предрассудков, в то новое общество, в котором он теперь пытается найти себе место»; это «человек на границе двух культур и двух обществ, которые никогда не взаимопроникали и не смешивались полностью» [13, с. 174]. Для обозначения этого особого «типа личности» Парк ввел понятие «маргинальный человек». В последующих работах Парк последовательно воспроизводил с небольшими вариациями свое исходное определение: «человек, которого судьба обрекла жить в двух обществах и в двух не просто разных, а антагонистических культурах» [9, с. 174], человек, который занимает «положение где-то в промежутке между двумя культурами», то есть «оказывается на обочине двух культур и не приспосабливается в полной мере или постоянно ни к одной из них» [10, с. 189], «человек, который живет в двух мирах, но не чувствует себя как дома ни в одном из них» [17, р. 204].

² Основу концепции «маргинальности» заложили социологи Чикагской школы: собственно Р.Э. Парк, Э.В. Стоунквист, Э.Ч. Хьюз, П. Сью. С середины XX века обсуждение этой проблематики вышло за пределы Чикагской школы, но классической является именно чикагская концепция маргинального человека.

Таким образом, конституирующим свойством маргинального человека является то, что он «живет в двух мирах, в каждом из которых он более или менее чужой» [13, с. 176]. Хотя Парк в разных статьях и приводил различные психологические характеристики маргинального человека, они вторичны и производны по отношению к этому определяющему свойству. В монографии его ученика Э.В. Стоунквиста было показано, что маргинальное положение — то есть положение между группами — является неустойчивым и порождает в разных условиях и обстоятельствах разные психологические констелляции [19, р. 120–158]. Психологические (личностные) характеристики маргинального человека, при всей их возможной типичности, зависят не столько от «промежуточности» как таковой (это всего лишь общий формальный признак), сколько от разных ситуаций, в которых эта «промежуточность» очень по-разному переживается. В этом смысле маргинальный человек — не столько «личностный», в обычном сегодняшнем понимании, сколько антропологический тип. Именно в таком ключе Парк его и рассматривал³.

Поскольку общество есть подвижная упорядоченная конфигурация взаимодействий, а современное общество — конфигурация очень сложная и в высокой степени дифференцированная, адекватным для его поддержания является человек, способный участвовать в целом ряде обособленных друг от друга «систем» взаимодействия, сталкивающихся его с разными выборками других, и поддерживать воспроизводство общества как процесса во всех точках своего участия. То есть современному обществу нужен человек, способный вести жизнь одновременно во множестве «групп», «культур» и т. п. В этом смысле, по Парку, маргинальный человек — это специфически современный тип человека, «всегда человек сравнительно более цивилизованный» [9, с. 175]. Для современного общества, или «цивилизации», человек традиционного типа, целиком ментально привязанный к одной «культуре» и закрытый для других «культур», является функционально непригодным носителем и агентом.

Маргинальный человек связан с современностью двойственной связью: он одновременно и продукт процессов культурного контакта, аккультурации и цивилизаций⁴, и локус, генератор и агент этих

³ В этой связи показательно, что Парк говорил именно о маргинальном человеке и только в единственном числе; такие элементы лексики, как «маргинальные люди», «маргинальная личность», субстантивированная «маргинальность», ругательное «маргинал(ы)», являются привнесениями, зачастую чуждыми смыслу исходной концепции. Отчасти в них повинны его ученики, но в большей степени — комментаторы, внешние для чикагской традиции.

⁴ По Парку, маргинальный человек — «случайный продукт процесса аккультурации» [9, с. 175].

процессов⁵. Иначе говоря, социокультурные процессы, подразумеваемые понятием «модернизация», и ментальные процессы, которые можно назвать «маргинализацией», являются двумя сторонами одного процесса и не могут рассматриваться отдельно друг от друга⁶. Соответственно, для адекватного рассмотрения тех личностных трансформаций, которые вызываются миграцией, необходимо сосредоточить внимание на конфигурациях взаимодействий, в которых они реализуются. Выбор «взаимодействия» как ключевого контекста подразумевает принятие интеракционистской точки зрения. Ею мы и будем далее руководствоваться. Концепция Парка является в связи с этим приоритетной отправной точкой, не только потому что она классическая, но и в силу того, что в позднейших обсуждениях «маргинальности» этот ключевой контекст оказался потерянным, а именно в нем понятие «маргинального человека» изначально имело смысл.

Парковское понятие маргинального человека предполагает принятие нескольких допущений, без которых оно становится бессмысленным. Прежде всего, предполагается наличие *границы* и ее пересечение, на что указывает сама этимология слова «маргинальный»; предполагается наличие *групп* (или *мы-групп*) по разные стороны этой границы; предполагается, что человек не может пересечь эту границу незамеченным, то есть не создав тем самым проблем и затруднений для себя и/или для других; предполагается, что, не пересекая эту границу, человек чувствует себя в мире, *как дома*, а после ее пересечения утрачивает это чувство, причем не только не находит его в новой группе, но и утрачивает его в старой («родной»). Для человека, пересекающего границу, тот мир, в который он выходит, всегда *шире* по сравнению с тем, который он покидает: опыт маргинального человека есть опыт перехода в более широкий мир взаимодействий по сравнению с исходным. Однако этот более широкий мир взаимодействий только и создается такими выходами/переходами; он не тождествен миру взаимодействий принимающей группы, то есть и для нее шире по сравнению с исходным. Соответственно, речь идет не просто об обмене персоналом между дискретными группами, которые при этом сохраняются в прежнем виде; маргинальность предполагает налаживание взаимодействий поверх существующих границ и проблематичность этих взаимодействий на временном отрезке между тем состоянием, когда эти границы есть, и тем состоянием, когда их уже нет (если это состояние когда-нибудь наступает).

⁵ «Именно в душе маргинального человека моральное смятение, обусловленное новыми культурными контактами, проявляет себя в наиболее явных формах. И именно в душе маргинального человека — там, где происходит изменение и переплавка культур... легче всего изучить процессы цивилизации и прогресса» [13, с. 176].

⁶ Примерно это имел в виду Парк, когда писал, что «этот процесс в двойном его аспекте можно, вероятно, описать как секуляризацию общества и индивидуацию персоны» [13, с. 170].

Итак, понятие маргинальности предназначено для описания процессов, происходящих в человеке и с человеком в контексте изменения интеракционных конфигураций, в которых он участвует. Осмысленное таким образом, это понятие пригодно для разных уровней описания в диапазоне от «макро» до «микро», от эволюционного до биографического (что мы и видим собственно в текстах Парка и других чикагцев)⁷.

В любом случае в качестве точки отсчета для описания маргинальности должно браться состояние — хотя бы идеально-типическое, — в котором есть обособленные мы-группы, достаточно отличные друг от друга, чтобы люди не могли свободно и без потери ощущения-себя-в-мире-как-дома переходить из одной в другую. Так, обсуждая маргинальность в контексте социальной эволюции, Парк брал в качестве такой точки отсчета образ «примитивного общества», предложенный Самнером: «...примитивное общество надлежит понимать как скопление небольших этноцентрических групп, разбросанных по территории. В таком обществе каждая группа мыслит о себе в первом лице и считает себя “центром всего”. Другие — аутсайдеры. Они часть окружающего ландшафта... [О]бщество, по крайней мере примитивное, оказывается “группой групп”, в которой нормальными отношениями между каждой группой и любой другой являются “отношения войны и грабежа, если только они не модифицированы в той или иной мере какими-то соглашениями”... Привязанности, связывающие воедино членов маленького мира — мира семьи, клана и племени, — прямо пропорциональны интенсивности тех чувств страха и ненависти, с которыми они смотрят на своих врагов и соперников, живущих в окружающем их более широком межплеменном и международном мире. В ходе долгого исторического процесса, из которого возник современный мир, эта картина примитивного общества постепенно изменилась» [9, с. 172–173]. Такой образ не очень реалистичен даже применительно к так называемым «примитивным» обществам; тем более он нереалистичен для описания современности; совершенная изоляция может рассматриваться лишь как исключительный случай. Однако существенным в этом образе является не постулирование абсолютно отграниченных друг от друга групп с непересекающимися членскими составами, а постулирование множества вполне определенных «мы»⁸, отграниченных в каждом случае от всех

⁷ Важно уточнить, что речь здесь идет именно о разных уровнях *описания*, а не о разных процессах; в конце концов, все социокультурные процессы, в том числе «эволюционные», осуществляются через конкретных людей, через конкретные человеческие биографии.

⁸ Определенность «мы» обусловлена не наличием объективной группы с конкретным и замкнутым членским составом, а тем фактом, что сами

прочих, и того, что член одного «мы», чувствующий себя как дома во взаимодействиях с другими членами этого «мы», утрачивает это чувство, как только вступает во взаимодействие с людьми, с которыми он не может с ходу объединиться в заранее готовую мы-категорию — так же как и они не могут с ходу объединиться в такую мы-категорию с ним. Взаимодействие, в котором участвуют члены разных дискретных «мы», включает в себе разделяющую их границу, что создает для участников более или менее явный дискомфорт. Источник этого дискомфорта может быть описан как сочетание физической близости и социальной/культурной дистанции⁹. В традиционных средах это сочетание отсутствует: все люди, физически находящиеся рядом, «здесь», культурно близки, в противовес чужим, находящимся «там», за пределами их сферы взаимодействия, то есть круга их повседневных дел. Это означает такую организацию повседневной жизни, при которой каждый, с кем бы человек ни встречался, связывается с ним некоторым само собой разумеющимся «мы».

Итак, маргинальность возникает в процессе разрушения конфигурации, в которой повседневные взаимодействия не содержат в себе границ между альтернативными «мы»¹⁰, и перехода к конфигурации, в которой эти границы вторгаются внутрь повседневных взаимодействий. Миграция является одним из важнейших механизмов преобразования первой конфигурации во вторую, могущественной силой, сталкивающей во взаимодействии разные «мы».

Для прояснения того, что означает для человека такое преобразование интеракционных конфигураций, нужно выйти за рамки тех метафорических конструкций, посредством которых оно выше было установлено. В конечном счете, «границы» и «дистанции» — всего

действующие люди субъективно относят себя и некоторое множество других к определенной мы-категории, а всех прочих к ней не относят. «Мы» может быть при этом нераспознаваемо никакими «объективными» средствами. Человек может не знать, где кончается его «мы» и кого оно включает, но при этом легко распознавать в каждом конкретном случае, входит ли в это «мы» его партнер по взаимодействию или нет. Граница, отделяющая членов «мы» от всех прочих, встроена в организацию взаимодействия и не имеет иного социологически значимого локуса.

⁹ См.: [12]. Сочетание физической близости и социальной дистанции фигурирует в публикациях чикагцев как одна из фоновых черт современных — прежде всего городских — социальных сред, см., например: [7].

¹⁰ Альтернативность здесь важна: конкурирующие «мы» должны быть классификационно однопорядковыми («негры/белые», «христиане/мусульмане», «католики/протестанты», «русские/грузины», «психологи/социологи»). Такая комбинация, как, например, «врачи» и «негры», сама по себе не порождает эффекта, описываемого как «маргинальность». Ср.: [16].

лишь метафоры. Нужно прояснить, что конкретно за ними стоит, то есть прояснить природу того дискомфорта и тех проблем, которые создаются их наличием внутри процесса взаимодействия.

Ключом к прояснению будет утрата ощущения-себя-в-мире-как-дома, которым человек обладает в исходном кругу повседневных взаимодействий, все участники которых связаны одним «мы». В этом кругу устанавливается, поддерживается и непрерывно реконструируется общая объектная среда, то есть естественная и сама собой разумеющаяся для его участников картина мира, в соотношении с которой они выстраивают свои действия и взаимодействия во всех возможных жизненных ситуациях. В этой коллективно воссоздаваемой среде каждый объект — «физический», «социальный» или «ментальный» [1, с. 122–124] — занимает определенное место относительно других объектов, и эти взаимные размещения объектов в общем для участников смысловом порядке регулярно рутинным образом удостоверяются эффективностью совместных действий¹¹ в их ограниченном кругу. Вне этого круга выстраиваются другие смысловые порядки, привязанные к другому конкретному практическому опыту и иначе организованные¹². Каждое «мы» очерчивает множество людей, включенных в общий для них смысловой порядок, укорененный в повседневной практике. Внутри этого порядка объекты каким-то образом соотносятся друг с другом, группируются, классифицируются, сопоставляются и противопоставляются, оцениваются с точки зрения сочетаемости/несочетаемости и т. д. Внутри него они обладают определенностью в плане значений и ценностей; вне подобных упорядочений эта определенность невозможна. Эта определенность из раза в раз воссоздается потоком совместной деятельности и поддерживающим его потоком, так сказать, «самосрабатывающих» интерпретаций и определений. Таким образом, область взаимодействий, в которой создается и воссоздается этот общий смысловой порядок, является для человека областью уверенного действия. Мир, каким он видится изнутри нее, — привычный и надежный мир. Определенности объектов соответствует определенность когнитивных и чувств; смысловая стабильность объектного мира находит поддержку в стабильности ментальных состояний и, в свою очередь, поддерживает ее.

Человек может быть включен в мир только деятельно, через действие в нем, и это всегда действие, развертывающееся «здесь и сейчас». Иных путей включения в мир для него нет, и это включение всегда является конкретным, то есть локальным. Специфика человеческой включенности в мир, в отличие от включенности в него других

¹¹ В блумеровском смысле (joint actions). См.: [1, с. 124–133].

¹² У Парка смысловой порядок называется «культурным порядком» и рассматривается как автономный по отношению к «биотическому», или «симбиотическому».

организмов (растений, животных), такова, что человек не включен в него до конца, если не инкорпорирован в смысловой — в терминологии Парка, «культурный» — порядок. У Парка этот специфически человеческий модус включения в мир описывается как обладание «статусом» и бытие «персоной»¹³. «Персона» не есть нечто, существующее вне и помимо потока повседневных взаимодействий «здесь и сейчас»: в нем она деятельно выстраивается и реконструируется. Она, конечно, обладает своей инерцией и сопротивляемостью текущим обстоятельствам взаимодействий, но никогда не может полностью автономизироваться от них. Она прикреплена к своему индивидуальному носителю, но локализована вовсе не в нем. «Персона» — это интеракционно генерируемое и поддерживаемое смысловое образование. Человек «вплетен» своей «персоной» в смысловой порядок, создаваемый и воссоздаваемый в потоке взаимодействий, в которых он участвует, и она, так сказать, «рассеяна» в потоке событий взаимодействия¹⁴. Эта «вплетенность» означает для человека деятельно создаваемое и поддерживаемое соотношение его Я как объекта с другими объектами его мира и такое размещение его Я в этом мире, которое не сталкивается с очевидным сопротивлением со стороны других объектов — прежде всего его человеческого окружения, но не только. Высокой мере определенности объектного мира соответствует высокая мера определенности человеческой «персоны», или «Я», в том числе когнитивных и эмоциональных состояний, служащих для него строительным материалом. Иначе говоря, в закрытом кругу рутинных повседневных взаимодействий, в который человек в идеальном случае полностью и без остатка погружен до маргинализации, высокая степень рутинизированности повседневной жизни служит фоном, на котором его Я обладает высокой степенью устойчивости и самоидентичности, то есть идентичности¹⁵. В предельном случае эта степень

¹³ См.: [11, с. 107; 14, с. 131–133; 10, с. 176–181]. Парковское определение человека как одновременно индивида и персоны эквивалентно, по крайней мере функционально, формуле «организм, обладающий Я (self)» у Дж. Г. Мида. См. о значимости последней формулы: [1, с. 115–117].

¹⁴ Наиболее емкие и развернутые описания этой «вплетенности» в поток взаимодействия можно найти в ранних работах Э. Гоффмана, см., например: [15]. Гоффмановское понятие «лицо» соответствует в этом очерке понятию «Я» (self).

¹⁵ Наличие в «традиционных» социальных мирах множества «статусов» принципиально ничего здесь не меняет: переход из одного «статуса» в другой в традиционных обществах обычно четко промаркирован инициационными обрядами, или обрядами перехода, так что жизненная карьера индивида складывается из дискретных биографических отрезков, на каждом из которых он всецело самоидентичен. См.: [5].

идентичности столь высока, что по поводу нее не возникает ни вопросов, ни сомнений: человек есть тот, кто он есть, и для себя, и для других — но именно в данном конкретном интеракционном кругу и исключительно в нем. Такая несомненность его идентичности немыслима без несомненности того мира, в который он деятельно «вплетен». Она гарантируется этой «вплетенностью», и эта неоспоримая и никем не оспариваемая гарантия места в мире является основополагающим условием социального существования человека¹⁶; отсюда своего рода «уютность» бытия в этом ограниченном интеракционном кругу [см. 8]. Отметим, что это бытие характеризуется неререфлексивностью: в нем объекты, в том числе собственное Я, самоочевидны, не приковывают к себе внимание, не становятся проблемой. Человеческое Я здесь слабо индивидуализировано и едва ли не растворено в «мы»; индивидуальная идентичность неотделима от групповой идентичности. Эта неотделимость и переживается человеком как ощущение-себя-в-мире-как-дома.

Миграции разрушают интеракционные конфигурации с отмеченными свойствами и создают на их месте новые, сталкивающие в прямом контакте людей, сформировавшихся в ранее не соприкасавшихся друг с другом мирах, и те смысловые («культурные») порядки, которые они привносят — своими интерпретациями, определениями и действиями — из прежних конфигураций в новые, оставаясь по инерции личносно вплетенными в свои старые миры и сохраняя свои прежние идентичности¹⁷. Это один из вариантов порождения «культурных контактов» и «культурных конфликтов» (но не единственный). Во взаимодействиях людей, которые до этого были личносно «вплетены» в действительно никак не соприкасавшиеся друг с другом «мы», оказываются в подвешенном состоянии все определенности: объектной среды, значений и ценностей, когний и чувств, «статусов» и личных идентичностей. В этом и состоит специфическая дискомфортность таких взаимодействий; участники не чувствуют себя в них «как дома», или, так сказать, «как рыба в воде». Тот само собой разумеющийся смысловой фон, на котором ранее разворачивалась их повседневная осмысленная жизнедеятельность, испаряется; дискомфорт в том, что часть усилий приходится затрачивать на создание/восстановление

¹⁶ Г. Зиммель отмечает: «Что каждому индивиду ввиду его качеств указано определенное место в его социальной среде, что это идеально принадлежащее ему место также и в действительности имеется в социальном целом, — это та предпосылка, исходя из которой отдельный человек живет своей общественной жизнью...» [6, с. 331].

¹⁷ Так, Л. Вирт превосходно показывает, как человек, пытающийся выйти из гетто в более широкий мир, несет в себе гетто как «состояние духа» и по инерции воспроизводит гетто вокруг себя (при соучастии партнеров по взаимодействию, разумеется) везде, где бы он ни оказался. См.: [20].

этого фона; то, что раньше совершалось автоматически, приходится делать обдуманно, рефлексивно. Иными словами, такие взаимодействия обостряют сознание и самосознание их участников (на что чикагские авторы, писавшие о маргинальном человеке, почти неизменно указывали¹⁸). Успешному ходу взаимодействия могут мешать расхождения в отборах релевантных текущей ситуации объектов, которые по привычке производятся участниками в их интерпретациях и определениях, в том, как эти объекты связываются друг с другом по смыслу, в том, как участники мыслят связывающие их отношения и взаимное размещение в социальном мире, в том, какие ценности участники придают объектам текущей совместной деятельности, в том, как они видят и связывают по смыслу развертывающиеся жесты и действия друг друга, в том, как они осуществляют отбор уместных для текущей ситуации экспрессий и т. д. и т. п. Участникам приходится — хотя эта нагрузка может распределяться между ними очень неравномерно — устранять эти расхождения, по крайней мере настолько, чтобы взаимодействие между ними могло продолжаться. Со временем они могут выстроить на месте разных «мы» новое общее «мы», для которого прежние различия будут уже несущественны, если вообще сохранятся. В разных случаях на это может уходить разное время. *Ceteris paribus* для этого требуется тем больше времени, чем больше расхождение между вошедшими в контакт смысловыми порядками. Так, ассимиляция мигранта из Чувашии в Москве будет происходить быстрее, чем ассимиляция мигранта из Польши или Венгрии, а ассимиляция последнего — быстрее, чем ассимиляция мигранта из Китая или Нигерии¹⁹. Дело, однако, не обстоит так, что рано или поздно контакты разных смысловых порядков и их носителей размывают старые партикулярные

¹⁸ Важно отметить, что обострение сознания и самосознания теснейшим образом связано с обострением осознания тех прежних групповых идентичностей, столкновение которых вызывает проблемы во взаимодействии. Об обострении «классового сознания», «расового сознания» и т. п. см., например: [12, с. 193, 196].

¹⁹ Так, Парк отмечал, что «процесс аккультурации и ассимиляции и сопутствующее ему смешение расовых пород не во всех случаях протекают одинаково легко и с одной и той же скоростью. В частности, там, где сходятся народы с разными культурами и сильно различающимися расовыми чертами, ассимиляция и смешение происходят не так быстро, как в других случаях» [13, с. 173]. Для тех случаев, когда речь идет о взаимной ассимиляции сильно различающихся культурных «групп», чикагцы проводили различие между разными поколениями иммигрантов (см., например: [19, р. 83–105]). Согласно чикагской формуле, до сих пор многим принимаемой, полная ассимиляция происходит обычно в третьем поколении иммигрантов, при условии, что они не отличаются от людей, среди которых они поселились, расовыми признаками.

области уверенного действия, замещая их единой и универсальной, всеобъемлющей и однородной. Восстановление смыслового порядка в постоянно творимых новыми контактами зонах неопределенности все время создает новые «мы» и устанавливает новые границы. Современный мир — это мир, в котором мы-идентичности и поддерживающие их границы постоянно переконфигурируются. Каждое воссоздание смыслового порядка в новообразующейся ограниченной области взаимодействия становится новой отправной точкой для последующих маргинализаций. Миграции, наряду с другими факторами, не позволяют никаким интеракционным конфигурациям и организующим их различиям и границам застыть в какой бы то ни было их текущей сложившейся форме.

Отсюда понятно, что маргинализация в современном мире происходит не в каких-то отдельных местах, зонах и ареалах, а может происходить почти где угодно. Это вездесущий и всепроникающий современный процесс. Так он и трактовался чикагцами, хотя в силу некоторых обстоятельств рецепции их наследия их концепция маргинального человека часто интерпретируется как гораздо более узкая по своей применимости²⁰.

²⁰ Приведем яркую выдержку из монографии Э.В. Стоунквиста: «Маргинальная личность ярче всего прорисована в тех индивидах, которые помимо своей воли посвящаются в две или более исторические традиции, политические приверженности, два или более языка, моральных кодекса или религии. Это происходит, например, в результате миграции. Для современного мира миграция настолько обычное дело, что почти каждая страна и город являются чем-то вроде плавильного котла рас и национальностей. Такие новые страны, как США, — всего лишь яркие примеры того состояния, в котором оказался весь мир.

Следовательно, не нужно далеко ходить в поисках ярких образцов маргинального человека. Это может быть наш ближайший сосед: экономически успешный, но социально неприспособленный иммигрант, который юношей покинул свою крестьянскую среду в какой-нибудь далекой стране, дабы попытаться счастья в новых, более богатых странах; возможно, также коренной уроженец, сын этого иммигранта, на карьеру которого влияет неосознаваемый багаж наследия его предков; еврей, чья эмансипация от физических стен гетто еще не освободила его сознание от мягких, но неподатливых барьеров, навязанных историческими групповыми установками. Еще дальше живет, быть может, человек негритянских, монгольских или смешанных кровей, несущий на своем лице говорящие свидетельства чуждого бэкграунда, внутренняя личность которого может, однако, быть неотличимой от личности нашего ближайшего соседа.

Везде, где присутствуют культурные переходы и культурные конфликты, есть маргинальные личности» [19, р. 3].

Миграция как перемещение из одного места организации повседневной жизнедеятельности в другое, заключающее в себе физический и ментальный «уход из дома»²¹, всегда в большей или меньшей степени маргинализирует. Мигрируя, человек не может оставаться в точности тем же самым, кем он был раньше, не может удерживать в неприкосновенном виде свою прежнюю идентичность. Он должен обрести новую идентичность, адекватную тому более широкому диапазону деятельного участия, в который он переходит, но и с его партнерами по взаимодействию дело обстоит так же (хотя в случае их численного перевеса это может быть менее заметным). Сама интеракционная конфигурация, в которой они оказываются, ставит под удар их идентичности и побуждает — в разной степени, конечно, — к их реконструкции, адекватной новой жизненной ситуации. Участникам новообразующихся интеракционных конфигураций приходится собирать заново смысловой порядок и собирать в нем заново свои Я, или, если говорить парковским языком, «персоны». И это приходится делать в новых условиях и обстоятельствах, с приложением дополнительных усилий, отказываясь от сложившихся автоматизмов, всегда более или менее рефлексивно. Людям, склонным к приключениям и новому опыту, это может быть интересно, ценно, но это всегда напряженная работа.

Нельзя забывать о том, что человек — не просто пассивная сущность, забрасываемая из одних ситуаций в другие, а активный агент происходящего с ним и вокруг него. Маргинальный человек — не просто «топливо» для тех процессов социокультурной «переплавки», которые обусловлены внешними для него вековыми тенденциями. Эти процессы происходят не в обход него, а с ним и внутри него. Выстраивание новых, более, так сказать, вместительных смысловых порядков производится личными усилиями маргинализируемых в их повседневных жизненных ситуациях²². Это диффузный и

²¹ В определении Парка, миграция не тождественна простому перемещению, а «заключает в себе, как минимум, изменение места жительства и разрушение домашних связей» [13, с. 169].

²² Чикагские социологи неизменно подчеркивали, что маргинальный человек — локус и агент культурных контактов, конфликтов и реконструкций. Так, Парк писал: «Именно в душе маргинального человека моральное смятение, обусловленное новыми культурными контактами, проявляет себя в наиболее явных формах. И именно в душе маргинального человека — там, где происходят изменение и переплавка культур, — нам легче всего изучить процессы цивилизации и прогресса» [13, с. 176]. Или еще: «...персоны, находящиеся, так сказать, в процессе перехода, превращаются в плавильный котел или плавильные котлы, в которых происходят культурные процессы» [10, с. 189]. О том же писал Э.В. Стоунквист: «Маргинальный человек — ключевая личность в контактах культур. Именно в

очень неровный процесс, в разных конкретных случаях протекающий по-разному.

При рассмотрении такой темы, как маргинальность, нельзя забывать и о том, что в современном сложном обществе человек обладает соразмерной по сложности структурой участия. Он включен во множественные «мы» и обладает конфигурацией идентичностей, в большей или меньшей степени текущим образом интегрируемых. В разных случаях миграция может ставить эту конфигурацию под удар в разной степени: в предельном случае — всю ее целиком, в более мягких случаях — отдельные ее компоненты. Последнее в той или иной степени свойственно человеку всегда и везде: человеческие Я, как и человеческие миры, в силу неизбежной их темпоральности никогда не могут быть полностью самотождественными²³, ведь маргинализация, в конце концов, происходит на границе не только между интеракционно (в том числе в каких-то случаях территориально) дискретными мирами, но и между миром прошлым и миром будущим.

Учитывая сказанное, не имеет смысла говорить о маргинальности как о всеобъемлющем и законченном состоянии, как о чем-то сущностном, внутри себя единообразном и тождественном. Иначе говоря, бессмысленно говорить о маргинальности в отрыве от ее темпоральной и процессуальной природы. И так же бессмысленно — по крайней мере, в большинстве случаев — искать ее в этом виде как эмпирически наблюдаемый объект. Разумнее и реалистичнее говорить о процессах маргинализации, развертывающихся внутри процессов повседневного взаимодействия и затрагивающих мигранта — как в некоторой степени и любого человека — в различных сегментах этого его повседневного взаимодействия. Взаимодействуя с другими, человек может то тут, то там маргинализироваться. О «маргинальности»

его разуме культуры сходятся вместе, конфликтуют и со временем вырабатывают некоторого рода взаимное приспособление и взаимопроникновение... Таким образом, практические усилия маргинального человека, направленные на решение его собственной проблемы, ведут его осознанно или неосознанно к изменению самой ситуации» [19, р. 221].

²³ Парк пишет об этом так: «В поведении людей всегда присутствует элемент условности, изощренности и искусственности... [Л]юди привыкли жить в двух мирах — реальном и идеальном, настоящем и будущем, — так как представление индивида о самом себе неизменно приобретает более или менее общепринятую форму и базируется не только на реальных и наличных условиях, но и в не меньшей степени на условиях, которые усматриваются им в отдаленной перспективе и на которые он возлагает свои надежды. В итоге индивид всегда осознанно или неосознанно играет роль. Он актер, одним глазом всегда смотрящий на публику» [10, с. 179]. У Парка речь идет, разумеется, о неискоренимой особенности человеческой природы.

как устойчивом состоянии и о «маргинальной личности» как личностной структуре имеет смысл говорить тогда, когда маргинализация, влекущая потерю устойчивых идентичностей, является для человека более или менее регулярным и длительным процессом и когда она затрагивает наиболее значимые для него сегменты жизненного опыта — те, с которыми для него связаны наиболее острые эмоциональные переживания, которые не являются для него областью свободного выбора, с которыми неразрывно слиты его важнейшие страхи и упования²⁴. Это может быть, прежде всего, семья, работа, образование, повседневное общение и т. п. В любом случае это те сегменты опыта, от которых он ожидает надежных точек опоры для существования в сегодняшнем и завтрашнем мире — точек опоры, без которых он теряет ту гарантию места в мире, о которой говорил Зиммель²⁵.

Из всех возможных границ и различий далеко не любые связаны для людей в ситуациях маргинализации с сильным и ощутимым дискомфортом. Наибольшая степень дискомфорта во взаимодействии возникает при лобовом столкновении альтернативных смысловых порядков, связанных с языковыми, религиозными, кастовыми, этническими и расовыми идентичностями. Стоит, правда, заметить, что эти границы и различия актуализируются не всегда и не во всех жизненных ситуациях, особенно в современном урбанизированном мире, благодаря чему люди могут во многих сегментах своего повседневного сосуществования не создавать себе и друг другу дискомфорта, даже если те представления о мире, которые они в себе носят, при лобовом столкновении могли бы оказаться абсолютно несовместимыми. Анонимность современных городских сред [2] оберегает людей от крайних последствий маргинализации, на которых по вполне понятным причинам акцентировали внимание творцы концепции маргинального человека из Чикагского университета.

От крайностей маргинализации людей в современном глобальном мире оберегает и то, что в нем «культурные контакты» обеспечиваются, в отличие даже от мира столетней давности (когда родилась концепция маргинального человека), не только взаимодействиями лицом-к-лицу, но и бурным потоком опосредованной коммуникации через масс-медиа. Благодаря этому у людей появилась возможность сталкиваться с чуждыми им культурными образцами без прямого контакта с их физически присутствующими носителями, и этот опыт в большей или меньшей степени оберегает от того крайне выраженного «культурного шока», который типичен для ситуаций, когда первый контакт с чужой «культурой» происходит во взаимодействии лицом-к-лицу.

²⁴ Примерно в таком духе трактовал маргинальность и Парк, когда, например, писал, что «в случае маргинального человека *период кризиса относительно постоянен*» (курсив. — В.Н.) [13, с. 176].

²⁵ См. выше сноску 16.

Медийная среда создает общее поле опыта, в котором прежде значимые и иногда даже фатальные различия если не сглаживаются, то по крайней мере делаются для тех, кто в нее погружен, более или менее привычным жизненным фоном²⁶. В этой медийной среде находят дополнительную чрезвычайно важную опору те «обычные человеческие ожидания»²⁷, которые позволяют взаимодействовать людям со сколько угодно разными культурными бэкграундами²⁸.

Человечество, разумеется, очень неравномерно погружено в процессы глобализации, урбанизации, модернизации, масс-медийной символической обработки и т. п. Там, где люди интенсивно захвачены этими процессами, им легче устанавливать контакты и поддерживать взаимодействия друг с другом поверх разделяющих их границ, они легче маргинализируются, но при этом и интенсивность маргинализации в общем и целом невысока. Там, где люди не затронуты или слабо затронуты этими процессами, им труднее вступать во взаимодействия за пределами своих привычных мы-сред, но при вступлении в такие контакты, сопровождающемся покиданием «дома», маргинализация может достигать высокой степени интенсивности и приводить к той глубокой личностной трансформации, которая отображена в классическом чикагском портрете истерзанного душевными смутами «маргинального человека».

Миграция всегда и неизбежно маргинализирует. Мигрант всегда более или менее маргинален. Но, как мы постарались показать, маргинализация не может происходить всегда и везде одинаково; она всегда происходит *in situ* и зависит в своем протекании и в своих результатах от конкретных условий и обстоятельств, на некоторые из которых мы указали.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2008. № 1. С. 114–133.

²⁶ Парк в полной мере принимал во внимание этот фактор. Так, он писал: «Теперь, когда аэроплан почти уничтожил расстояния, некогда разделявшие нации и народы, а радио превратило мир в огромную перешептывающуюся галерею, вместо маленького мира, мира интимных личных привязанностей, в котором люди были связаны традицией, обычаем и естественной почтительностью к старшим, вырос великий мир, межплеменной, межрасовый и межнациональный, мир бизнеса и политики» [9, с. 173]. Сегодняшних деталей этого процесса информационной глобализации Парк, разумеется, предусмотреть не мог, но суть его схватил очень точно.

²⁷ Термин часто употребляется Парком, например: [10, с. 181; 18, р. 22].

²⁸ Этнометодологические исследования Г. Гарфинкеля и его учеников ясно показывают, что успешное взаимодействие возможно и при разном понимании участниками того, что с ними происходит. См., например: [3, 4].

2. *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 93–118.
3. *Гарфинкель Г.* Понятие «доверия»: доверие как условие стабильных согласованных действий и его экспериментальное изучение // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1999. № 4. С. 126–166; 2000. № 1. С. 146–184.
4. *Гарфинкель Г., Сакс Х.* О формальных структурах практических действий // Социальные и гуманитарные науки. Серия 11. Социология. 2003. № 2. С. 94–136.
5. *Геннеп А. ван* Обряды перехода: систематическое изучение обрядов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
6. *Зиммель Г.* Как возможно общество? // Теоретическая социология: Антология / Под ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 314–334.
7. *Зорбо Х.У.* Золотой Берег и трущобы (избранные главы) // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 2004. № 3. С. 115–154; № 4. С. 140–178.
8. *Оберемко О.А.* Пространственно-деятельная идентичность как представление о «территории свободы» // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 62–81.
9. *Парк Р.Э.* Культурный конфликт и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 172–175.
10. *Парк Р.Э.* Личность и культурный конфликт // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 175–191.
11. *Парк Р.Э.* По ту сторону наших масок // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 1 (7). С. 101–113.
12. *Парк Р.Э.* Понятие социальной дистанции // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 2. С. 192–197.
13. *Парк Р.Э.* Человеческая миграция и маргинальный человек // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1998. № 3. С. 167–176 [полн. ориг. текст см.: *Park R.E.* Human Migration and the Marginal Man // *American Journal of Sociology.* 1928. Vol. XXXIII. No. 6. P. 881–893].
14. *Парк Р.Э.* Человеческая природа и коллективное поведение // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. 1997. № 4. С. 126–135.
15. *Goffman E.* On Face-Work // *Goffman E.* Interaction ritual: Essays in face-to-face behavior. Chicago: Aldine, 1967. P. 5–46.
16. *Hughes E.C.* Social change and status protest: An essay on the marginal man // *Hughes E.C.* The sociological eye. Chicago; N.Y.: Aldine-Atherton, 1971. P. 220–228.
17. *Park R.E.* Reflections on communication and culture // *American Journal of Sociology.* 1938. Vol. 44. No. 2. P. 187–205.
18. *Park R.E.* Symbiosis and socialization: A frame of reference for the study of society // *American Journal of Sociology.* 1939. Vol. 45. N 1. P. 1–25.
19. *Stonequist E.V.* The marginal man: A study in personality and culture conflict. New York: Charles Scribner's Sons, 1937.
20. *Wirth L.* The Ghetto. Chicago: University of Chicago Press, 1928. P. 241–281 [*Вирт Л.* Гетто (журнальный вариант) // *Вирт Л.* Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 178–191].